

входят в преступную группу, которая ворует с ЭХП изотопы и продает их за рубеж. Вячеслава Михайловича сотрудники МБР так и не нашли. В мае 1993 года на основании этих показаний в Москве и Свердловске-45 были арестованы Кашеев, Тунин, Покидышев, его заместитель Вадим Бондаренко и Вадим Микерин (сын замминистра Минатомэнерго). Сначала дело расследовали в Свердловске-45. Затем его передали на расследование в Генпрокуратуру России.

Генпрокуратура выяснила, что местные бандиты потребовали поделиться доходами торговцев изотопами Свердловска-45, а так как обратиться в правоохранительные органы сотрудники "Стабиса" не могли, с вымогателями они расплатились, но постепенно эта история получила огласку, - о ней узнала милиция, а затем и органы госбезопасности, которые быстро установили всех членов группы, каналы сбыта изотопов и провели аресты.

Доля России в мировом производстве стабильных и радиоактивных изотопов составляет 70%. Основной производитель стабильных изотопов - Свердловск-45. Применяются стабильные изотопы в медицине и научных исследованиях. Радиоактивные изотопы, которые выпускают в Озерске, используются в производстве ядерного оружия и в медицине. Стоимость 1 г. высокообогащенного изотопа достигает нескольких тысяч долларов.

До конца 1980-х годов монополистом в области экспорта изотопной продукции было внешнеэкономическое объединение "Техснабэкспорт" (ТСЭ), которое действовало через открытую при нем фирму "Урансервис". Незначительную конкуренцию ТСЭ составляли ученые из разных советских НИИ, которые вывозили изотопы нелегально. Покупатели обычно расплачивались оборудованием или предоставляли возможность проводить научные исследования за рубежом. Сделки оформлялись, как правило, договорами о международном научно-техническом сотрудничестве. В настоящее время возможность контролировать производство изотопов в России получила фирма Amersham International (Англия).

Россия-США

* 1 марта в России и других государствах СНГ, располагающих запасами ядерного оружия, началась инспекционная работа по проверке выполнения обязательств в рамках договора СНВ-1.

По предварительной договоренности, для обеспечения оперативной работы инспекционных групп, на территории

ОТКРЫТОСТЬ ИНФОРМАЦИИ ПО ПРИНЦИПУ "МЕНЬШЕ ЗНАЕШЬ - КРЕПЧЕ СПИШЬ"

"Вот посмотрите эти бумаги. Только сейчас, при мне. И не вздумайте делать записи" - "А ксерокопии?" - "Да о чем вы говорите?! И зачем я вообще предложил вам эти документы посмотреть..." - "А что, здесь где-то есть гриф ДСП?" - "Грифа нет, но знаете ли, сфера деликатная..."

Кому из журналистов, работающих в "оружейной" тематике, не знаком подобный диалог? Сколько раз приходится ходить вокруг да около, прежде чем разрешат "взглянуть" на документ, который отнюдь не является закрытым и который, по логике, беспрепятственно может стать частью газетной статьи. Более того, "игра в секретность" очень часто ведется именно в тех случаях, когда ведомства должны, казалось бы, быть заинтересованы в публичном изложении своей деятельности, в создании publicity, в продвижении того или иного вопроса в общественном мнении и в формировании самого общественного мнения. Однако слово "логика" подходит здесь меньше всего. У многих чиновников (заметим, как правило, находящихся в середине иерархической лестницы) существует на сей счет некое психологическое объяснение: "Зачем провоцировать общественное мнение? Всегда жили по принципу: меньше знаешь - крепче спишь, - и дальше так жить будем". Один пример из десятка. Не так давно коллегу попросили "воздержаться" от воспроизведения на русском языке перевода таблицы Carnegie Endowment, где размещение ядерных объектов на российской территории было классифицировано по географическому принципу - в каком субъекте федерации какой объект находится. Секрет? Отнюдь. Текст не раз воспроизводился на английском языке. Возражения, неточности? Возможно. Но представители Минатома, не предложив свои коррективы, предложили "лучше подождать".

Можно, конечно, говорить о том, что кто-то из чиновников, не лишенных коммерческой жилки, знает: он монополист товара (пусть этот товар - информация), значит, он и диктует цену. Можно говорить и об элементарных атавизмах прошлого, когда слово "ядерный" автоматически становилось синонимом слова "секретный", если только речь не шла об антиядерных протестах на Западе, однако, настоящая проблема заключается в том, что в России, несмотря на довольно уже солидную законодательную базу в области информации, так и не сформировалась культура предоставления информации

и работы с информацией. Наиболее наглядно это продемонстрировал чеченский кризис, когда формирование общественного мнения, оказавшись оно в руках профессионалов, могло бы переломить представление об операции и внутри страны, и за ее пределами буквально в считанные дни... Но ничего сделано не было, формировать общественное мнение никто не стал, никто уже не станет спорить, что правительственная информация для прессы готовилась "топорно". В результате полный пропагандистский провал, после которого легче всего винить во всем "непатриотичные" телевидение и прессу и гораздо труднее понять, что "непатриотичны" - то как раз те правительственные чиновники из разбухшей пресс-службы, которые в первые дни и недели конфликта, судя по всему, находились в дреме.

Не то же ли происходит с информацией по оружию массового уничтожения? За исключением СВР, которая год от года развивает "нераспространенческую" активность в наступательном ключе (выход брошюры по ДНЯО - тому подтверждение), остальные ведомства проявляют удивительную пассивность. Прежде всего МИД. Значительная гибкость, которую проявляют в руководстве Минатома и Минобороны, давая возможность журналистам проводить интервью, отнюдь не компенсирует информационного вакуума: никакая "штучная" работа в данном случае не заменит постоянного потока разнообразной информации и документации. В Минатоме очень огорчились, когда в США сразу три министра провели совместную пресс-конференцию по итогам операции "Сапфир". Зачем столько шума? - удивлялись в Минатоме. С точки зрения реальных дел, возможно, в Минатоме правы. Но с точки зрения publicity - разве это не блестящий урок нашим ведомствам, которые даже наши успехи на международной арене не способны предоднести как успехи. В результате вместо полной и открытой информации возникают домыслы, как это случилось в отношении наших недавних договоренностей с Индией и Ираном. Иногда и у нас не мешало бы трем министрам выступить на объединенной пресс-конференции, а то создается все большее впечатление в совершенной раскоординированности деятельности министерств.